

ВОСПОМИНАНИЕ

Творческому объединению
«Истоки» желаю долгих лет
и всеобщих успехов, друзья по душе,
своих же интересов и добрых
взглядов.

В. Антон

ТВОРЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИСТОКИ»

Литературное объединение «Истоки» в следующем, 2015 году будет отмечать свое пятнадцатилетие. Оно было организовано при Культурном центре г. Енисейска и насчитывало в свое время около тридцати молодых литераторов. Литобъединение дало путевку в жизнь Ирине Медведевой, которая была принята в члены Союза писателей России, поэту и композитору Александру Дудину и многим другим.

В литобъединении издавали альманах «Перезвон» и литературную газету «Глаголь». За годы становления и развития литобъединение претерпело некоторые незначительные изменения. Сейчас оно объединяет начинающих литераторов г. Енисейска, п. Подтесово, с. Озерное, п. Верхнепашино. Тесно сотрудничает с литературным объединением «Радуга» г. Лесосибирска. В нем теперь работают и стали известны читателю прозаики Николай Шипило и Людмила Бондаренко, Петр Белоножко и Людмила Новикова, поэты Андрей Давыдов и Иван Кочетков, Юлия Маркова и Тагир Насибулин. Скоро читатель в очередном номере «Перезвона» найдет новые яркие имена. Теперь литобъединение «Истоки» приютила городская библиотека г. Енисейска. Газета «Вовремя» начинает публикацию литературных материалов литобъединения «Истоки» рассказом руководителя литобъединения «Истоки» Алексея Бондаренко.

ЦЫГАН

Продолжение, начало в №34

Черная грива жеребенка развивалась на ветру, хвост поднимался столбиком и он, оскалив зубы, фыркал, издавая зычное с хрипотцой ржание. Он смело бросался на табунного жеребца, и слегка укусив его, разворачивался и со всех ног мчался к матери.

На этот раз он, миновав жеребца, кинулся на кромку луга, к перелеску. Жеребец быстро нагнал его и, мотнув чубатой головой, остановился. Остановил свой бег и жеребенок. Жеребец подошел к озорнику и, схватив его бережно за холку, принялся перебирать гриву. Затем жеребец и жеребенок, оба уставшие и смиренные, улеглись рядом, положив друг на друга морды.

- Ты, гли, гли, внученька! И вправду мне пригрелось. Чтой-то со мной неладное деется! — опечаленно вздохнул Митрич.

- Вот и я говорю: чудится тебе все, деда, - сквозь слезы ответила Аленка.

Старик, пытаясь отогнать грустные мысли, стал объяснять внучке:

— Век доживаю, а такого не видывал, чтобы табунный жеребец привелит жеребушку. Гли ты, чуда! А я ить грешным делом, думал жеребушку-то Жиган пришибет. Он ить с норовом, чистый дьявол. Оттого и худо мне стало. Думал, конец приходит, сердце остановится. А ты гли, внученька. Кака любовь промеж их завязалась. Возьми

их за рупь двадцать. Разбери их тут, кто виноватый, а кто правый.

- Разве в жизни так не бывает, деда? — оживилась Аленка.

- Быват, быват, видно. Испокон веков известно, что лошадь-то самое умное, самое что ни на есть, мудрое на земле божье создание. Ишь ты... Сызнова милуются, язвы их.

И начал Митрич с увлечением рассказывать внучке о повадках лошадей. Он так увлекся, что напрочь забыл и про болезни, и невзгоды, и видения, которые все чаще и чаще навязчиво посещали его.

- В войну-то, Аленушка, закончил свой рассказ старый солдат, - замены не было лошади. В каждом деле она помога.

- В кино показывают танки, самолеты... - не поверила Аленка. — Вон как бахают, даже страшно. А что там лошадь!

- От этой ерманской железной нечисти товды свет померк, ковды война зачалась. Танков и самолетов было на нашей земле стоко, что муравьев в куче меньше. И все едино конь всегда был выручалом и в войну, и после ее. В войну ажно конные полки выставлялись. Дорог-то мало было. Конь-то и по топи, и по бездорожью больно горазд. Мовет по скалам вьючным ийти.

И вдруг Митрич замолчал, нахмурился и сник.

- Опять сердце, деда? — встревожилась Аленка.

- Кабы сердце, внучень-

ка! Было бы легче. Беда пристигла нас. Ой, кака беда! Голова моя кругом.

- Что за беда, деда?

- Ныне председатель тута был. Поучал меня, как с лошадами обращаться, - старик горько ухмыльнулся. — После сказывал, что разорился колхоз-то наш совсем. Лошадками надумал убытки возместить. Мол, вы, ребятишки, чтобы в школу без горя ходили.

Аленка не поняла:

- Разве я в школу не хожу?

- Ходишь, ходишь, милья. Тока жись нынешняя стала трудной. Вон, твоя мать без копейки бьется, будто бы рыба об лед. Рази можно так-то: работать от зари до зари на колхозной ферме, а дома шаром покати. Только жалко мне лошадок-то. Ой, как жалко, Аленушка. Я бы сам заместо их пошел на жи-

водерню. Но кому, тепереча, старый-то нужон: ни мяса, ни шкуры. Председатель вона и то рычит на меня. Мол, не можешь с табунном управляться, так молодого заместо тебя приставлю, чтоб приглядывал. А молодым-то ноне вовсе не нужны лошадушки! У них свои антаресы, молодому молодое...

- Неужели продадут? — не поверила Аленка.

- Видно, не миновать разоренья, - грустно ответил Митрич.

Молчали. Солнце уже давно укатилось за вершины леса. С полей и лугов повеяло прохладой. Густой туман белым непроглядным крылом прикрыл при-

смиривших лошадей. Лишь чуткий хозяин табуна жеребец Жиган ревниво обнюхивал кобылиц,

останавливаясь ненадолго подле каждой. Рядом с ним маячил жеребенок. В низине подал голос коростель. И казалось, в этом успокоенном мире, погружающем в недолгий сон, было все ладно и спокойно. Но вот коростель умолкал и на минуту — другую все замирало. Но этой тишине не доверял старый солдат. Он чутко вслушивался в эту тишину, изредка вспугнутую ночными птицами или внезапно налетевшим ветерком, перебирающим траву, и сердце его замирало. Все одно в этом вечном и загадочном мире нет покоя, как и в его душе, горестно думал Митрич. Ничего его не держит дома. Если даже не станет лошадей, он может придти на луг, но здесь не с кем будет разговаривать, некого станет баловать и ласкать. Он, Митрич, сколько помнил себя, всегда был рядом с табунном. Лошади были для него всем. Вся свою душу он отдавал им. И страшно стало Митричу, что этого он может лишиться.

Митрич снова ушел в себя, не видя перед собой ни луга, ни табуна, не слышал, что творится рядом. В своих горестных раздумьях он забыл и о внучке.

- Деда, деда, там волки! — испуганно прижалась к старику девочка.

- Какие волки? — не понял Митрич, освобождаясь от горестных размышлений, тряхнув головой. — Чо удумала-то?

- Волки, волки...

Старик прислушался.

- И вправду, слышу топот Жигана, - встревожился он, вслушиваясь в непонятные звуки. — Зачем оне здесь, волки-то? Ишшо энтой беды не хватало.

Митрич поднялся с кочки и, прижав к себе внучку, стал выглядывать в темноту. Из тумана послышался грозный окрик и брань.

- Я те полягаюсь, идол. Ишь, разошелся! Погоди у меня, скоро упеку тебя, ирод гривастый.

«Воры!» - сжалось сер-

Автор Алексей Маркович Бондаренко

дце старика и он, подхватив за ремень ружье, ринулся было к табуну, но увидел председателя. Тот, вооружившись палкой, отчаянно отбивался от табунного жеребца. Жиган, оскалив зубы, пытался укусить его, но ровил растоптать.

- Пшел, дряннь... Ох, уж я тя укатаю, так укатаю. Митрич, где ты? — звал на помощь председатель. — По-о-о-моги...

- Жиган!.. Я те счас гриву укорочу, - строго прикрикнул старик, подковыляв к жеребцу.

Митрич ухватил жеребца за гриву и с силой дернул на себя. Жиган встал как вкопанный и, недовольно фыркнув, опустил морду. Затем неохотно направился к табуну.

- Чуть не зашиб дьявол! - пожаловался председатель и тут же удивился. — Гли, а тебя-то как понимает!

- Не надо шастать по ночам, - недовольно проворчал старик. - Так до греха недолго. Он ить не из-за баловства на тебя налетел, кобыл своих бережет. С норовом жеребец. Попомнишь ли, Петрович, как Жиган

волка весной пришиб? Чо шастать-то по ночам? Надобность кака?

- Машина рассыпалась. Недавно ее в гараже ладдили, но до ума, видно, не довели. Видно, старье не залатать заплатами... Хошь бы чайком угостил, Митрич. А то с утра во рту маковой росинки не было, - миролюбиво ответил председатель.

- Это можно... - согласился старик.

Митрич нахрястал в березовом колке валежника. Затем воды в котелке принес. И закачалось под ветром пламя костра.

За чаем председатель издадека повел беседу, лукаво прищуриваясь:

- Ты не держи на меня зла-то, Митрич. — Не хотел тебя обидеть.

- Кто старое вспомянет, тому глаз вон, как говорится, - отмахнулся старик.

- Понимаешь... - потупился председатель. — Выхода у нас с тобой нет. До последнего дня тянул с лошадыми. Тебе жалко конечно... Понимаю... Да и мне не легко, поверь... От сердца отрываю. Да пора уж тебе отдохнуть. Сколько можно в поле мерзнуть! Помню, еще мальчишкой я к тебе из дома в ночное убежал. Доставалось от матери. А ведь тянуло в луга. Прости...

- Сверху виднее... - ткнул пальцем в небо Митрич. — Видно, и вправду, срок мой пришел.

- Поживешь еще, Митрич, - кисло улыбнулся председатель. — Я подумаю о тебе, обязательно подумаю. Без дела не останешься.

- Не хлопочи попусту, — недоверчиво посмотрел Митрич на председателя и показал рукой на табун. — Вона моя жизнь... Она, видать, кончилась.

Продолжение следует
Алексей БОНДАРЕНКО,
г. Енисейск

